

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ СИБИРЬ

г. Новосибирск

1 MAR 1985

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ГЛАВНАЯ РОЛЬ ВПЕРЕДИ

Актера Владимира Лемешонка, «прописанного» в «Красном факеле», не редкость увидеть на сцене... всех трех драматических театров города. За такой подвижностью хочется искать не наприиз или непостоянство, а определенный смысл, потребность. И действительно, Владимир считает, что пока актер молод и творчески, и человечески, не важно, где он играет, а важно — что и как.

У В. Лемешонка был запоминающийся дебют. Точнее, работа в дипломном спектакле Новосибирского театрального училища 1975 года «В день свадьбы» В. Розова. Выпускник обнаружил тогда не только умение выстроить психологически подробно прожить событийный ряд роли, но и выпукло, ярко воплотить неординарный, примечательный характер. В его Васеке Заболотном привлекала способность самозабвенно отдаваться радостям или печалью, не только своим, но и окружающих. Драма главного героя Михаила, раздираемого противоречиями между чувством долга и вспыхнувшей с необоримой силой любовью, гораздо ярче впечатляла через переживания «наперсника» этой драмы — Василия. Среди мечущихся от раздвоенности героев спектакля он один нутром чувствовал, в чем правда, и рвался к ней. Он утолял потребность в подлинности, неподдельной глубине переживаний и персонажей спектакля, и зрителей. Тогда, в пору дебюта, складывалось впечатление, что назначение актера — воплощать именно такие характеры, очерченные сочно, уверенно. А самое главное — цельные.

Но вот спустя несколько лет возник его Дженнаро из сказочной страны «Фраттомброзы» («Ворон» К. Гоцци, «Красный факел»). Аккуратный, тихий принц в изысканном колете, с голубым камнем на холеной руке был воспитан, мягок, подчеркнуто не нес в себе ничего героического. Вряд ли его можно было представить заведомо рыцарских турниров. Скорее, за беседой с философами или в уединении с книгой.

Преследуемый роковой силой, Дженнаро не мог скрыть страха перед фатальной силой злого волшебника Норандо. Но предстоял выбор: либо сохранить собственную жизнь и доброе имя, либо дать счастье любимому брату. Тем дороже была артисту решимость принца, его жертва. В этой работе В. Лемешонк сознательно отказывался

от цельности характера героя ради выявления психологических возможностей «сказочной» роли.

То же самое стремление к психологической объективности давало о себе знать в роли Варвика, английского наместника в спектакле «Жаворонок» Ж. Ануя на сцене ТЮЗа. Этот лорд в исполнении В. Лемешонка — образчик английского здравого смысла. Артист наделил его аристократическим апломбом, умением в любой ситуации сохранять равновесие, проистекающее из точного знания, как надо и как не надо поступать.

Однако после суда над Жанной Д'Арк, сумасбродной, по его мнению, девчонкой, что-то еще задерживает Варвика, такого здравомыслящего и уравновешенного, возле этой пичуги. Выхолщенный лорд топчется возле Жанны и вдруг говорит, старательно отводя взгляд, что ему понравилось, как она держалась. Куда девались его апломб, самоуверенность — Варвик совершенно обескуражен! Как дорожит исполнитель возможностью сбить спесь со своего респектабельного героя!

Тяга артиста к глубокому, требовательному анализу видна и в таком, не предполагающем, казалось бы, особых сомнений материале, как роль Прова в розовском «Гнезде глухаря» (спектакль «Красного факела»). У Владимира Лемешонка Пров в значительной мере лишен черт детскости. И дело не только в том, что артист старше своего героя — подростка. В. Розов щедро отпустил этому мальчику счастливую возможность не разделять всей полноты ответственности за грехи отца. У Лемешонка же Пров остро и серьезно страдает от того неблагополучия, которое происходит в его доме. Неправда, притаившаяся по углам этого «гнезда», словно развела цельность характера Судакова-младшего. Пожалуй, он уже не сможет, как его сверстник из ранней пьесы В. Розова «В поисках радости», облегчить свою душу, кромсая саблей полированную мебель.

Если взглянуть попристальнее в созданные Владимиром Лемешонком характеры, то станет очевидным: артиста интересует не столько сам поступок, сколько то, как его герой выходит на этот поступок. В результате каких душевных потрясений, столкновений с обстоятельствами он решается на то или иное действие.

Последние сезоны были для Владимира Лемешонка временем, когда многое происходит впервые. Впервые он встретился с русской классикой,

впервые прикоснулся к миру Н. Гоголя. А это повлекло за собой постижение сложнейших, непривычных жанровых задач. Если Хлестаков («Ревизор» в ТЮЗе) был сыгран в жанре, близком к трагикомедии (этакий ошишеленный Хлестаков), то Анушкин из краснофакельской «Женитьбы» — это уже гротеск, почти эксцентрика, упоение острой характерностью. А рядом с гоголевскими ролями — работа в спектакле молодых режиссеров Т. Войцель и А. Зубова (ТЮЗ) по пьесе Л. Петрушевской «Любовь». Как и в персонажах Гоголя, он увидел в «низких» проявлениях своего невзрачного героя душевные россыпи.

Поначалу его герой несимпатичен. И тем, как вернувшись из загса, неловко и скованно, но, однако, с осанкой хозяина входит в дом своей жены. Как занудно объясняет новобрачной каждый свой шаг и поступок, предшествующий женитьбе, вплоть до стирки купленных в магазине простыней. Но вот он как-то неловко качнулся в сторону своей избранницы. Вот его угрюмое лицо расцветает от мелькнувшей улыбки. Завибрировали разнеженные нотки в глуховатом голосе, и пауза неожиданно вклинилась в монотонную фразу. И вдруг у зрителя перехватывает дыхание, потому что становится ясно: а ведь эта нудная перебранка только что вернувшихся из загса супругов — именно любовь, пусть выраженная неумело, косноязычно...

Итак, кажется, можно уверенно очертить круг тяготений молодого, но проделавшего уже определенный путь актера: не столько приговор персонажу, сколько анализ, внимание к психологическим нюансам и тонким, сложным мотивировкам. Но задрисистость, молодая энергия его первого героя Василия Заболотного не идет из головы. Невольно ловишь себя на том, что частицу этой цельности, этого душевного здоровья уже хочешь увидеть в сомневающимся, колеблющихся, томимых какой-то невысказанной тоской нынешних персонажах В. Лемешонка.

Вполне вероятно, что следующий виток в развитии нашей драматургии выведет на сцену нового героя, способного и на поступок, и на напряженный самоанализ. А если так, то вот, пожалуй, курс, по которому есть смысл ориентироваться молодому актеру в преддверии будущего.

Л. ГЕРАСИМОВА.